

7112185

130, № 3

ГОСПОДАРСТВО УКРАЇНИ

ПОЛІТИКО-ЕКОНОМІЧН.
ЖУРНАЛ

№

3

БЕРЕЗЕНЬ

РІК ВИДАВАННЯ
СЬОМИЙ

1930

ВИД-ТВО ГОСПОДАРСТВО
УКРАЇНИ — ХАРКІВ

3-

V.N. Karazin Kharkiv National University

00392104 9

4524

—

ПР. 1937.

34
ПРОЛЕТАРІ ВСІХ КРАЇН, ЄДНАЙТЕСЯ!

~~338(05)~~
~~Г 73 пз~~

ГОСПОДАРСТВО УКРАЇНИ

ЩОМІСЯЧНИЙ
ПОЛІТИКО-ЕКОНОМІЧНИЙ ЖУРНАЛ

№ 3
БЕРЕЗЕНЬ

РІК ВИДАННЯ 7-й

4 34288
Харків. Істор. Нар. О.з.
Збірок Радіоізономі
22288

~~51863~~

64534

69
68
ВИДАВНИЦТВО „ГОСПОДАРСТВО УКРАЇНИ“
ХАРКІВ — 1930

Бібліографічний опис цього видання
вміщено в „Літописі Українського Дру-
ку“, „Картковому репертуарі“ та інших
показниках Української Книжкової Па-
лати.

1381 90

1381 90
1381 90

ГОСПОДАРСТВО УКРАЇНИ

Держтрест „Харполіграф“
Третя Друк. ім. Фрунзе
Донець-Захоржевська, 6
Укрголовліт 7-ж
Зам. 1212. Прим. 1900.

1381 90

ГОСПОДАРСТВО УКРАЇНИ

8

1381 90
1381 90
1381 90

ГОСПОДАРСТВО УКРАЇНИ

З М І С Т

I. Статті

	Стор.
Я. Дубенський. Від X до XI з'їзду КП(б)У	5—12
А. Звоницкий. К методологии контрольных цифр на 1930-31 г.	13—21
А. Фишман. Проблема реального капитализма	22—30
П. Хайцер. К вопросу о природе денег и о характере их трансформации в СССР	31—48
В. Коробов. Как аналитически точно оформить темп роста или падения экон. явлений (оконч.)	49—60

II. Нариси і замітки

А. Якоби. Некоторые тенденции развития грузооборота	61—80
П. Микеладзе. До питання про природу радянського податку	80—89
О. Куперман. Машинно-будівельна промисловість 1929-30 р.	89—100
М. Островський. Робітнича кооперація та якість обслуговування споживача	100—108
М. Кейлін. Вартість і технічний стан націоналіз. фонду будов. м. Харкова	108—118
И. Верисоцький. Позачергова проблема (до Дніпрельстану та меліорації степів)	118—123
Н. Рисс. Проблема лозинного господарства	123—128

III. Економ. життя закордонних країн

І. Шафаренко. До аграрної проблеми в Німеччині	129—141
--	---------

IV. По округах

І. Хомінський. Завдання пром.-торг. будівництва в Білоцерківщині	142—145
Я. Турнянський. Плинність робочої сили та проблема кадрів у Донбасі	145—150

V. Критика і бібліографія

Сурани-Унгер. Економ. боротьба за Тихий океан — Д. Каплан	151—162
А. М. Гинзбург. Очерки промышленной экономики — Я. Т.	162—166
Ф. Светлов. Социал. реконструкция народн. хозяйства и взаимоотношения классов — Я. Тун	167—169

THE

1712

THE

THE

THE

THE

THE

THE

THE

THE

THE

THE

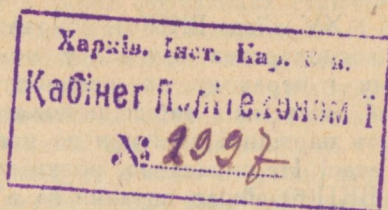
THE

THE

THE

THE

THE

Я. ДУБЕНСЬКИЙ

Від X до XI з'їзду КП(б)У

I.

Два роки проминуло вже від X з'їзду КП(б)У і XV з'їзду ВКП(б). Це були роки напруженої й упертої боротьби за генеральну лінію партії, роки вирішальних перемог на фронті соціалістичного будівництва. Досить тільки побіжно перебрати в пам'яті основні події цього періоду, щоб переконатися в тім, що це був період не спокійної болотяно-сплячки, що про неї мріяли правоопортуністичні елементи, а період за, гострення класової боротьби, рішучого наступу соціалізму на капіталізм. коли кожную позицію доводилось брати буквально з бою.

Куркульський хлібний страйк і шахтинська справа — це були перші етапи класової боротьби після X з'їзду КП(б)У і XV з'їзду ВКП(б). Оформлення всередині партії відверто опортуністичного ухилу, що шукав виходу з труднощів реконструктивного періоду в капітуляції перед куркульством, зосередження основного вогню на цьому правому ухилі — оце дальший етап боротьби за генеральну лінію партії за минулий період. П'ятирічний плян, рішучий перехід до нових виробничих форм єднання між містом і селом, величезне піднесення активності пролетаріату і нові форми соціалістичної організації праці (соціалістичне змагання), що обумовили кінець кінцем вирішальні успіхи на фронті боротьби за п'ятирічку — так партія подужувала ті труднощі, що стоять на шляху соціалістичного розвитку. І, нарешті, великий перелім, корінний поворот середняка до колгоспу, величезні темпи колективізації, поворот від політики обмеження куркульства до політики його ліквідації як класу, боротьба з викривленнями та перекрученнями, напружена боротьба за другий, хребтовий рік п'ятирічки, перша більшовицька сівба, п'ятирічка в чотири роки — ось у чому суть того нового етапу, що в нього вступила наша країна напередодні партійних з'їздів.

Переходовий період від капіталізму до соціалізму — говорить В. І. Ленін, — має цілий ряд, цілу систему переходових ступнів і етапів: переходові періоди в самому переходовому періоді. Кожен із цих переходових періодів у переходовому періоді розв'язує особливу, специфічну задачу на загальному шляху соціалістичного поступу СРСР, підготовуючи тим самим умови для переходу до вищого щабля соціалістичного розвитку. Один із таких переходових періодів у переходовому періоді є етап між X і XI з'їздами КП(б)У, між XV і XVI з'їздами ВКП(б). Це по суті визначальний, вирішальний, хребтовий етап по всьому переходовому періоді. Саме через це так і важно пильно простудіювати багатющий досвід боротьби та соціалістичного будівництва за цей період, усвідомити його суть, його закономірності, роль й місце в переходовому періоді. Це передусім важно тому, що ясне й правильне розуміння перейденого шляху становить невідмінну умову того, щоб чітко уявити собі дальші перспективи розвитку, нові завдання, нові проблеми й нові підйоми соціалістичного будівництва.

* * *

Х з'їзд КП(б)У і XV з'їзд ВКП(б) збиралися у переломовий для нашого народнього господарства момент, у момент завершення відбудовного періоду непу і переходу до реконструктивного. Уся робота цих з'їздів, основний зміст їхніх вирішень полягає саме в тім, щоб намітити вузлові пункти партійної політики на новому етапі непу, на його реконструктивному етапі. Не випадково, розуміється, що саме на Х з'їзді КП(б)У і XV з'їзді ВКП(б) зайшло питання за п'ятирічний плян. Завершивши відбудовання народнього господарства, можливо стало збудувати п'ятирічний плян; перехід до реконструктивного періоду перетворив цю можливість на актуальну потребу, бо завдання реконструктивного періоду можна здійснити тільки на рейках далекосяжного й глибоко задуманого пляну.

Ні троцкісти, ні тодішні праві попутники партії в боротьбі з троцкізмом (що згодом виформувалися в одверто правоопортуністичну позицію) не зрозуміли та й не могли звичайно зрозуміти переломового характеру вирішень XV з'їзду. Ці вирішення з'їзду й практична політика партії на основі цих вирішень на думку троцкістів були лівим зигзагом, тимчасовим маневром. Праві попутники одверто мріяли про спокійну, тиху іділію мирного самовпливного вrostання в соціалізм. І коли вони побачили перші хмари тих труднощів, що вже насувалися, коли вони зрозуміли, що для партії вирішення XV з'їзду це не парадна резолюція, а бойовий плян наступу соціалізму на капіталізм — вони загаласували: „геть XV з'їзд, назад до XIV з'їзду“. Оте гасло „назад до XIV з'їзду“ — то була спроба затримати, загальмувати, повернути назад поступний хід розвитку нашої революції.

У чому ж суть того *нового*, що дав XV з'їзд партії? У чому основна *відміна* партійної політики після XV з'їзду від політики до XV з'їзду? Насамперед треба бачити тісне й нерозривне наступство в політиці партії до XV з'їзду й після нього. Але наступство не тільки не виключає, а навпаки, мислить перед собою дальший розвиток і поступ. Те нове, що сказав XV з'їзд партії, полягає в тім, що по новому поставлено проблему зв'язку між соціалістичним містом і дрібним селянством. „Нове в вирішеннях XV з'їзду проти XVI з'їзду, — говорить т. Сталін, — полягає в тім, що XV з'їзд за одно з найважливіших завдань дня поставив завдання всіма способами розвивати колгоспний рух“. „Тепер, — говорить резолюція XV з'їзду партії, — завдання об'єднати та перебудувати дрібні індивідуальні селянські господарства на великі колективи треба поставити як основне завдання партії на селі“.

Розуміється, була б велика помилка гадати так, що XV з'їзд сказав нове слово тільки в справі колективізації, що з'їзд намітив крок уперед тільки на одній ділянці нашого господарського будівництва, на сільсько-господарській його ділянці. Адже те, що можна було поставити по новому питання про взаємовідносини між соціалістичною промисловістю й трудовим селянським господарством, як раз і було обумовлене глибокими зрушеннями в розвитку промисловості, радикальним перегрупуванням у відносинах між усуспільненим сектором та простим товарним господарством і господарством капіталістичним. Саме ці радикальні зрушення в економіці нашої країни дали змогу XV з'їздові по новому поставити ряд основних проблем соціалістичного будівництва.

У чім суть тієї економічної політики, що її провадила партія у відбудовному періоді непу, до XV з'їзду ВКП(б) і X з'їзду КП(б)У? „Дрібного селянина мати за дрібного селянина“ — це така Ленінова формула для того етапу непу. З періоду „воєного комунізму“ наше народнє господарство вийшло з розруйнованою, у коріні підірваною промисловістю.

І чи могла наша партія в таких обставинах ставити собі завдання соціалістичної перебудови сільського господарства? Ясна річ, що це була б страшена утопія, яка кінець кінцем скінчилася б поразкою пролетарської диктатури. „На той час, доки ми не відбудуємо великої промисловости цілком... ми повинні дати такі форми відносин між робітничою клясою й селянством, повинні між цими клясами створити такий союз, що задовольнив би господарче обидві сторони, що мав би дрібного селянина за дрібного селянина“ — оце така клясична формула Леніна для відбудовного періоду непу.

Що означає „дрібного селянина мати за дрібного селянина“? Це означає, поперше, „не ламати старого суспільно-економічного ладу на селі“, „не нести відразу суто комуністичні ідеї на село“, „не загадувати собі наперед ціль заглиблювати на селі комунізм“ (Ленін); подруге, *підживляти* цей старий суспільно-економічний лад села, створити умови для розвитку цього дрібного, господарства, як дрібного господарства, дати йому певну волю торгувати, дозволити капіталізм, наскільки це буде потрібно для розвитку цього дрібного господарства; потретє, опанувати це дрібне господарство в міру того, як відновлятиметься соціалістична промисловість, через торгові форми єднання, через збутово-постачальницьку кооперацію і перемагати спроби капіталізму, що виростатиме, зімкнутися з основною масою селянства.

У цьому суть цього глибокого тактичного маневру, що його задумав Ленін і блискуче виконала партія; в цьому суть відбудовного періоду непу, політики партії до X з'їзду КП(б)У і ХУ з'їзду ВКП(б).

Ні троцькісти, ні праві не зрозуміли та звичайно не могли зрозуміти суті політики партії на відбудовному періоді непу. Троцькісти, виходячи із своєї антисередняцької концепції, не зрозуміли того, що на певному етапі, коли соціалістична промисловість іще розруйнована, слаба ще і тільки відбудовується, треба „дрібного селянина мати за дрібного селянина“. А праві не зрозуміли *тимчасового, перехідного* характеру цієї політики, не зрозуміли, що суть цього політичного маневру полягає в тім, щоб виграти час для утворення великої соціалістичної промисловости, потрібної нам на те, щоб поставити й здійснити *основне* завдання перехідного періоду — соціалістичну перебудову дрібного селянського господарства і цілковите викорчовування корнів капіталізму в нашій країні.

X з'їзд КП(б)У і ХУ з'їзд ВКП(б) основні завдання відбудовного періоду здійснили цілком і сповна:

1) пощастило не тільки *відбудувати*, але значною мірою й *реконструювати* нашу соціалістичну промисловість;

2) пощастило *підживити* сільське господарство, підвести його на вищий рівень;

3) пощастило *опанувати* торгівлю і через неї зміцнити провідну роль соціалістичного міста над селом, пляново регулятивну роль пролетарської держави в сільському господарстві.

Ось як характеризував ХV з'їзд партії підсумки політики партії за відбудовний період і ті *нові* завдання, що повстають перед партією на новому реконструктивному етапі: „у царині господарства, на основі дальшого господарського піднесення, державна промисловість не тільки пересягнула довоєнний рівень, але вже й стала перебудовуватись, зростати на новій технічній базі. У царині обігу державна торгівля й кооперація витиснули приватника з цілого ряду найважливіших галузів, ставши майже монополями хазяїнами ринку. Щодо клясів, то партія може констатувати зростання й консолідацію пролетаріату, зміцнення на основі вирішень ХІV конференції й ХІV з'їзду його союзу з середняком і посилення наступу на приватний капітал... Ці передумови дають

можливість ширше охопити кооперацією бідняцькі та середняцькі шари села, ще більше посилити *планове* діяння на селянське господарство й рішучіше наступати на *куркуля*, на основі досягнутих успіхів у закріпленні союзу пролетаріяту та селянської бідноти з середняком”.

* * *

На X з'їзді КП(б) У і на XV з'їзді ВКП(б) по новому були сформульовані завдання партії. Той етап, коли треба було „дрібного селянина мати за дрібного селянина“, залишився ззаду. Спираючись на відроджену соціалістичну промисловість, партія поставила на *перший* план нове історичне завдання, перейти до соціалістичної перебудови сільського господарства. Виразно й чітко сформулював XV з'їзд це нове настановлення, це нове завдання: „треба,—говорить резолюція з'їзду,—поставити першечергове завдання, кооперуючи й далі селянство, поступовно переводити розпорошені селянські господарства на рейки великого виробництва“.

Треба ясно розуміти, що партія на XV з'їзді і в своїй практичній політиці після з'їзду не покинула гасла „підживлюй старий суспільно-економічний лад на селі, щобто завдання піднести й розвинути індивідуальне бідняцько-середняцьке господарство. Партія на XV з'їзді і в своїй практичній політиці це гасло розвинула далі, зробила на ньому новий притиск: „підживлюй і переробляй, підживлюй, щоб переробити... Саме в цьому—в тому, що на порядок денний поставлено завдання переробити індивідуальне бідняцько-середняцьке господарство на основі його дальшого піднесення та розвитку ось у чому те нове, що характеризує політику партії після XV з'їзду.

Дальші події після X з'їзду КП(б) У і XV з'їзду ВКП(б) з виключною наочністю показують усю правильність того повороту, що його намічено на XV з'їзді. Кризові явища в сільському господарстві і харчові та сировинні труднощі на весь зріст поставили питання про соціалістичну реконструкцію сільського господарства. Для партії було ясно, що причина цих кризових явищ зовсім не ота міфічна деградація сільського господарства, як це доводили праві ухильники. Для партії було ясно, що кризові явища й господарські труднощі сталися наслідком надмірного відставання темпу розвитку сільського господарства від темпів розвитку промисловості. Це відставання сільського господарства від індустрії було неминуче через розпорошеність і подрібленість дрібного й найдрібнішого сільського господарства, через те, що в дрібного виробництва можливості розвиватися були обмежені. „Наше дрібноселянське господарство,—говорить тов. Сталін,—не тільки не здійснює у своїй масі щорічної поширеної репродукції, а навпаки, воно не завжди має можливість здійснювати навіть просту продукцію. Чи можна ж прискореним темпом розвивати нашу соціалістичну індустрію, мавши таку сільсько-господарську базу, як дрібноселянське господарство? Ні, не можна. Чи можна протягом більш менш довгого часу базувати радянську владу та соціалістичне будівництво на двох *різних* підвалинах—на найбільшій та об'єднаній соціалістичній промисловості і на найподрібненішому й найвідсталішому дрібнотоваровому селянському господарстві? Ні, не можна. Це мусить колись закінчитись цілковитим розвалом усього народного господарства“.

От у цьому вся сила. Такі були господарські обставини зараз після X з'їзду КП(б) У і XV з'їзду ВКП(б) і вони владно поставили на весь зріст проблему соціалістичної реконструкції сільського господарства. Партія у своїй практичній політиці після X з'їзду КП(б) У і XV з'їзду ВКП(б) вперто намагалась і таки намагалась здійснити ці нові завдання.

На листопадовому пленумі (1928 р.) ЦК ВКП(б), коли обмірковувано господарський плян на 1928—29 р., завдання соціалістичної реконструкції сільського господарства були поставлені на першому пляні. „1928—29 року, — говорить резолюція пленуму, — робиться *перше зрушення* в справі подолання корінних структурних причин відставання сільського господарства, те зрушення досягнеться масовим кооперуванням індивідуальних селянських господарств, поступовним об'єднанням розпоршених селянських господарств у великі об'єднані господарства на вищій технічній базі і т. інш.“).

Розуміється, це не випадково, що тільки після XV з'їзду партія змогла *почати* роботу над соціалістичною реконструкцією сільського господарства, змогла зробити *перше зрушення* на цьому шляху. „Питання про відносини між пролетаріатом і середняцьким та бідняцьким селянством у нових обставинах і інакші ставиться перед партією на перший плян, — зазначає резолюція листопадового (1928 р.) пленуму ЦК ВКП(б). Зараз надзвичайно зросла можливість для робітничої класи революціонізаційно діяти як на техніку сільського господарства, так і на реконструкцію економічних відносин на селі для їх усуспільнення“.

Треба підкреслити, що визначальним і вирішальним фактором, який дав партії змогу після X з'їзду КП(б)У і XV з'їзду ВКП(б) *по новому* поставити питання про сільське господарство, була соціалістична промисловість, її величезні темпи розвитку та реконструкції, її швидкий поступ на шляху індустріалізації. Уся політика партії від X з'їзду КП(б)У і XV з'їзду ВКП(б) пройшла під знаком напруженої боротьби за високі темпи індустріалізації. На XV з'їзд партії наша соціалістична промисловість дійшла вже такого рівня та розвитку, які дали змогу *почати* соціалістичну реконструкцію сільського господарства, зробити *перше зрушення* на цьому шляху. Але вона була ще неспроможна *широко розгорнути й завершити* це історичне завдання. От чому так гостро постало питання за те, щоб максимально посилити, прискорити темп соціалістичної індустріалізації, от чому це питання було *головне і вирішальне*. І тільки тому, що партія вперто і напружено боролась за темпи індустріалізації, тільки тому що розвиток промисловості набрав величезного розмаху, особливо розвиток тієї промисловості, що продукує засоби продукції, — тільки тому партія змогла розширити *перше зрушення* в справі соціалістичної реконструкції сільського господарства (що про нього говорив листопадовий пленім ЦК) на величезний потужний рух, що привів сільське господарство нашої країни напередодні XI з'їзду КП(б)У і XVI з'їзду ВКП(б)У до *нового історичного етапу*.

* * *

Поставивши на X з'їзді КП(б)У і на XV з'їзді ВКП(б) завдання взятися до соціалістичної перебудови дрібного селянського господарства, партія, звичайно, добре розуміла, що з цим завданням не можна управитись одним замахом. *Ще* на XV з'їзді партія спеціально підкреслила *добровільний* характер колективізації і надто підкреслила те, що треба вперто й систематично працювати над тим, щоб прищепити широким селянським масам ідеї колективної громадської праці. Партія добре розуміла, що колективізація дрібного селянського господарства потребує ряду допоміжних підойм і ступенів для того, щоб показати на практиці селянинові — працівникові переваги великого соціалістичного господарства, нової техніки, усуспільненої праці.

Який же був той плян, що його так блискуче задумала й здійснила партія після X з'їзду КП(б)У і XV з'їзду ВКП(б)? Цей плян в основному був такий:

1) організувати великі радгоспи—гіганти і поліпшити роботу старих радгоспів, як центрів всебічної допомоги індивідуальним бідняцьким і середняцьким селянським господарствам;

2) утворити нові і розвинути старі колгоспи, підвести під них високу техніку, щоб на цій основі досягти вищої продукційності не тільки дрібного селянського господарства, але й куркульського;

3) розвинути широку мережу державних і кооперативних машиновотракторних станцій, як найпоказовішої методи колективізації на високій технічній базі;

4) здійснити виробниче кооперування індивідуальних селянських господарств, дати максимальну виробничу допомогу, розвинути контракти на виробничій основі, боротись за підвищення врожайності і т. інш.

5) посилити наступ на куркуля, обмежити його й витиснути на основі зміцнення союзу пролетаріату з основними масами селянства, нещадно боротися зі спробами куркульства зірвати план соціалістичної перебудови сільського господарства.

Увесь цей план мав своїм завданням підготувати, підвести дрібного селянина до колективізації, створити у всієї основної селянської маси рішучий і корінний поворот до колгоспу.

Не вважаючи на всі труднощі, викриваючи правих ухильників, що тягли партію за поли назад, не вважаючи на люту боротьбу куркульства, пролетаріат і його партія з нещадною твердістю довели цей плян до краю. І восени 1929 р. партія мала вже повне право констатувати, що „рішучий перелом у ставленні бідняцько-середняцьких мас до колгоспів, що являє собою безпосередній результат правильної політики робітничої класи та партії на селі, посилення провідної ролі робітничої класи в її союзі з бідняцько-середняцьким селянством, силенного зростання соціалістичної індустрії і посилення виробничих форм єднання, — означає *новий історичний етап у будівництві соціалізму в нашій країні*“ (листопадовий 1929 р. пленум ЦК ВКП).

Які ж фактори обумовили цей крутий поворот середняка до колгоспу, що починає собою новий етап у нашому соціалістичному розвитку? Тов. Сталін зазначає три основних фактори:

1) „партія провадила ленінську політику виховування мас, послідовно підводячи селянські маси до колгоспів шляхом насадження кооперативної громадськості“;

2) „радянська влада правильно зважала чимраз більшу потребу в новому реманенті, в новій техніці, вчасно організувала йому допомогу прокатними пунктами, тракторними колонами, машиново-тракторними станціями, насадженням колгоспів і, нарешті, всебічною допомогою селянству силами радгоспів“;

3) „і, нарешті, цей нечуваний успіх в справі колгоспного будівництва пояснюється тим, що до цієї справи взялися передові робітники нашої країни“.

Ясно, що *первопричина* цього історичного перелому — це швидкий темп індустріялізації нашої країни, величезні масштаби розвитку нашої промисловости, що й обумовило можливість насаджувати кооперативну громадськість і розгортати виробничі форми єднання а також і зростання політичної та організаційної сили самого пролетаріату.

* * *

Радикальний поворот основної селянської маси до колгоспу, нечувані темпи колективізації, що переходить на рейки *суцільної* колективізації — це обумовило поворот у політиці партії: *від політики обмеження та витиснення куркульства до політики його ліквідації як*

кляси. Цей поворот є один з *вирішальних* поворотів у політиці партії.

Треба ясно й чітко розуміти, що з кінця 1929 р. наша країна вступила в новий етап соціалістичного будівництва. Він *якісно* відрізняється від попередніх етапів, зокрема від того етапу, що лежить між ХV з'їздом і кінцем 1929 р. „Не розуміти, або не хотіти зрозуміти зробленого нами повороту, не розуміти того, що ми вступили в *новий етап* соціалістичного будівництва — це вже межує, — говорить тов. Сталін, — з опортуністичною сліпотю“.

Чи впливає поворот до політики ліквідації куркуля як класи *безпосередньо* з вирішень ХV з'їзду? Ні, — говорить тов. Сталін, — бо ХV з'їзд ще стояв, та в тогочасних обставинах він і не міг не стояти на позиціях обмеження й витиснення капіталістичних елементів. А тепер заходить справа за ліквідацію куркульства як класи“. Розуміється, та політика, що провадила партія на основі вирішень ХV з'їзду, підготувала, підвела нас до нової політики, до нового етапу. Але цей новий етап є вже вищий *щабель* соціалістичного будівництва, він ставить нові завдання, на їх здійснення потрібні нові підйоми.

На новому етапі „по новому ставиться тепер питання про неп, про класу, про колгоспи, про економіку перехідного періоду“ (Сталін). Суть нового етапу виявлено з найвищою чіткістю в *історичній* постанові ЦК ВКП від 6-го січня 1930 р. Це етап, коли:

1) завершується здійснення кооперативного пляну Леніна, суцільна колективізація дрібного селянського господарства в основних районах нашої країни в рамках п'ятирічки і викорчовування корнів капіталізму в нашій країні;

2) завершується останній етап проблеми „хто кого“, відбувається рішучий і *вирішальний штурм* на капіталістичні елементи, щоб позбавити їх виробних джерел існування й розвитку;

3) завершується останній і *вирішальний* етап неп'у, тієї політики, що її партія провадила серйозно, надовго, але не на завжди.

І розуміється, рушійним нервом цього нового етапу знов таки є наша соціалістична індустрія, що її нечувані темпи розвитку забезпечують партії перемогу і на цьому новому, надзвичайно складному й важкому повороті.

Соціалістичний наступ від Х до ХІ з'їзду КП(б)У, від ХV до ХVІ з'їзду ВКП(б) розвивався на рейках неп'у. Коли партія, борючись з куркульським хлібним страйком, вдалася до тимчасових надзвичайних заходів і організувала бідняцько-середняцькі маси навколо гасла боротьби за виконання хлібозаготівельних плянів, — праві зняли шалене виття, що ніби партія „касує“ неп і топче „священні принципи“ його. Коли партія, здійснюючи завдання соціалістичної реконструкції сільського господарства, рішуче переходила до виробничих форм єднання, розгортала будівництво радгоспів-гігантів, машиново-тракторних станцій і перевела колгоспне будівництво на рейки масової колективізації, — то й на цей раз праві опортуністи узділи в цій політиці партії відхід від неп'у, відмовлення від „священних принципів“ торгівлі. Цілком зрозуміло, що лементування про скасування неп'у особливо посилювалось, коли партія повертала від політики обмеження куркуля до політики його ліквідації як класи, бо тут грубо порушували отой священний принцип „вростання куркуля в соціалізм“, що становить на думку правих невід'ємну частину неп'у.

Розуміється, всі оті балачки й галас про те, що у своїй політиці після ХV з'їзду партія відступилася від неп'у, це все нісенітниця. Ясна річ, що для правих ухильників, які стоять обома ногами на устралівському розумінні неп'у як політики поступок куркулеві, як політики

класового миру, вільного ринку і в кінцевому результаті капіталістичного розвитку нашого народного господарства,— для них повороти в політиці партії ніяк не вкладалися в рамки неп'у. Це цілком природньо і іншого не можна було й ждати.

З другого боку, ми маємо факти лівих ухилів, троцькістських заскоків у розумінні та трактуванні сучасного етапу соціалістичного будівництва. Ці заскоки в троцькістську концепцію неп'у полягає в тім, що новий етап виводиться за рамки неп'у. І справді. Якщо підвести теоретичну базу під ті перекручування, що були останнього часу по деяких місцях в справі колективізації і здійснення політики ліквідації куркуля як класи, то можна сказати, що суть цих перекручувань полягає в спробах розв'язати основні задачі нового етапу не на рейках неп'у. Порушення принципу добровільності при колективізації, антисередняцькі закрути, розкуркулювання середняків, перескік до вищих форм колективізації, до комун, минуючи проміжні ступені, закриття місцевих базарів і спроби ліквідувати певну волю місцевого обороту для селянства, широке тлумачення повороту в класовій політиці партії як політики негайної ліквідації міської буржуазії— всі оці викривлення, закрути і перекручування являють собою кричущі порушення партійної лінії, принципів Ленінового кооперативного плану й політики неп'у, що в його основі лежить Ленінова ідея про союз пролетаріату з середняком. Сучасний новий етап— це етап неп'у. Але це є *останній* етап неп'у і в цьому вся його своєрідність і особливості.

Щоб переможно завершити завдання, що стоять перед партією на новому етапі, треба напружено боротися на два фронти: проти головної небезпеки правого ухилу і проти „лівих“ троцькістських закрутів. Особливість даного моменту полягає в тім, що для того, „щоб успішно боротися з правим опортунізмом, треба подолати помилки „лівих“ опортуністів“ (Сталін). І нема ніякого сумніву в тім, що партія прийде до XI з'їзду КП(б)У і XVI з'їзду ВКП(б), ще більше згуртована коло генеральної лінії партії, коло ЦК. І на основі свого старого бойового досвіду, збагаченого досвідом розгорнутого соціалістичного будівництва та викорчовування самих корнів капіталізму в нашій країні, партія на своїх наступних партійних з'їздах викує ту зброю, що приведе нашу країну до нової перемоги соціалізму.

А. ЗВОНИЦКИЙ

К методологии контрольных цифр на 1930-31 год¹⁾

Контрольные цифры на 1930-31 год строятся в новых условиях. До сих пор важнейшим фактором в методе построения наших планов являлось одновременное существование в народном хозяйстве СССР двух основных секторов, из которых один охватывался непосредственным планированием, а другой (индивидуальный) поддавался только косвенному воздействию плановой воли. План, таким образом, должен был строиться не только на оптимальной реализации возможностей и ресурсов, заключенных в обобществленном секторе, но одновременно должен был являться и маневровым, стратегическим планом во взаимоотношениях секторов и во всех тех стихийных моментах, которыми индивидуальный сектор врывается в работу обобществленного. Именно в качестве такого стратегического плана и возникли первоначально контрольные цифры. Их технико-экономическая сторона, не исключая таких показателей, как размер продукции, количество занятого труда и его производительность и т. д., в начале имели преимущественно значение учета сил, находящихся в распоряжении планового сектора на протяжении предстоящей кампании; наоборот, такие моменты, как индексы цен, обменные эквиваленты, изменения, происходящие в индивидуальном секторе и меры воздействия на эти изменения — все эти разделы получали в контрольных цифрах особенно широкий разворот. В соответствии с этим, именно на этих моментах, так сказать, экономико-стратегических преимущественно сосредоточивалось внимание синтетических частей плана; моменты же технико-экономические входили, главным образом, в содержание отраслевого планирования и в первые годы выражались даже в большей мере в ведомственных оперативных планах, нежели в контрольных цифрах.

Совершенно иные условия для планирования возникают сейчас, когда с одной стороны мощные темпы роста обобществленного сектора хозяйства, а с другой стороны процессы массового обобществления в прежнем индивидуальном секторе решительно изменяют лицо хозяйства СССР, превращая его в основном в цельный плановый комплекс, как бы ни был еще временно значителен его стихийный привесок в виде отставшей части индивидуальных производителей. На нынешней стадии в задачах плана маневрирование во вне отступает перед маневрированием внутри самого планового хозяйства — маневрированием материальными, человеческими и организационными ресурсами в таком направлении, чтобы обеспечить развитию социализирующегося хозяйства СССР максимальные темпы, оптимальные пропорции и наиболее эффективную расстановку производительных сил. Отсюда, на нынешней стадии нашего планирования технические моменты, которые раньше

¹⁾ В порядке обсуждения. *Ред.*

рассматривались, как обоснование заверстаных показателей по отдельным отраслям, становятся одним из определяющих факторов всего народно-хозяйственного плана в целом.

Это изменение основных задач плана было правильно и своевременно учтено Союзным Госпланом, который на этой именно идее построил подготовку к контрольным цифрам на 1930-31 год. Как в директиве к подготовке контрольных цифр, разосланной ведомствам и Союзным республикам, так и в своих выступлениях на Съезде плановых работников Госплан СССР со своей полнотой и глубиной выдвинул задачу превращения контрольных цифр на 1930-31 год в технико-экономический план народного хозяйства. „Система контрольных цифр на 1930—1931 год — говорит директива — будет состоять из двух частей. Первая, имеющая синтетический характер, должна будет дать более или менее полную картину развертывания всего процесса воспроизводства народного хозяйства СССР за ряд предыдущих лет и в проектируемом 1930-31 году. Вторая по своему построению будет иметь характер оперативного плана“. Эта вторая часть и мыслится в основном, как носительница многочисленных технических показателей, технико-экономических балансов и планов технической реконструкции (см. тезисы доклада т. Левина на Плановом Съезде и его же статью „К подготовке контрольных цифр на 1930-31 год“ „На Плановом фронте, № № 1 и 2.

Из такой установки контрольных цифр, кроме их технизации, вытекает и еще один вывод в методике их построения. Если в „стратегическом“ плане можно было оперировать показателями, имевшими характер средних величин по Союзу или по Республикам и большим экономическим районам, то в технико-экономическом плане это уже невозможно. Нельзя обезличивать в „среднем“ показателе по промышленной отрасли новый завод — гигант и маленькое предприятие, доставшееся в наследство от довоенного капитализма; нельзя в „средних“ показателях по сельскому хозяйству обезличивать землю, обработанную трактором, и землю, обработанную клячей; нельзя обезличивать показатели хозяйственных единиц, работающих вдали от ближайшей проезжей дороги, с единицами, расположенными на мощной жел.-дор. магистрали; и т. д. и т. д. Ставя перед собою задачу технико-экономического плана, необходимо подойти к такому методу его построения, который дал бы возможность учесть все многообразные различия в технической и технико-экономической структуре и обстановке работы отдельных хозяйственных единиц. Для нашего общего народно-хозяйственного плана, каким являются контрольные цифры, такая задача нова — до сих пор если нам и приходилось решать ее в плановых документах, то преимущественно в документах, так сказать, монографического характера (например, обоснование нового конкретного строительства или реконструкции, оперативный план отдельной хозяйственной организации, и т. д.). Огромная сложность и ответственность этой задачи и заставляет с особой осторожностью подойти к вопросу о методологии контрольных цифр.

В той же директиве Госплана СССР написано: „Центральное Плановое Бюро Госплана не считало возможным и целесообразным уже теперь дать схему оформления, какое будет дано контрольным цифрам как в их общей синтетической (дающей весь процесс воспроизводства), так и в оперативных частях“. Однако, Госплан поясняет это положение недостаточной выясненностью того „в какой мере контрольные цифры 1930-31 года удастся уже приблизить по их построению к балансу народного хозяйства, который дал бы возможность проанализировать всю сумму социально-экономических проблем (курсив наш), которые приходится обычно решать при построении перспективных

народно-хозяйственных планов". Таким образом, не предпринимается главным образом именно схема социально-экономического, синтетического оформления контрольных цифр; что же касается их технико-экономического оформления, то, повидимому, можно считать, что оно будет построено в основном на тех формах таблиц, которыми сопровождается директива. К изложенной нами задаче таблицы эти подошли до некоторой степени по линии наименьшего сопротивления: путем чрезвычайно детализованного, дробного выделения не только мельчайших членений „подлежащего“, но в очень многих таблицах даже отдельных предприятий, а в некоторых случаях еще больше — отдельных цехов (так, сменность должна быть дана с группировкой предприятий по числу смен и отдельным учетом по цехам человеко-часов, выработки и заработной платы в первой, второй и третьей смене); ряд таблиц по электрификации дается раздельно для каждой электростанции по титульному списку; и т. д.. Мы не сомневаемся, что Госплан СССР отнюдь не ставит себе задачей перекрыть своими контрольными цифрами всю работу всех плановых органов Союза; однако, не подлежит сомнению, что именно так могут быть поняты его формы таблиц, если подходить к ним только на основании их буквального текста.

Такое чрезвычайное отягчение контрольных цифр народного хозяйства частными планами отраслей, хозяйственных объединений и отдельных предприятий включает существенные отрицательные моменты — как с точки зрения методологической последовательности, так и с точки зрения практической целесообразности.

Во время подготовки реформы плановых органов Госплан СССР чрезвычайно широко и глубоко поставил вопрос, с одной стороны, об устранении дублирования в плановой работе, а с другой стороны, об увязке всех плановых органов и плановых частей ведомств и предприятий в единую плановую систему. Мысль эта, осуществленная на практике в реформе, конечно, базируется на таком же объединении и самого предмета деятельности этих органов, самого народно-хозяйственного плана. Если мы действительно хотим охватить планом все народное хозяйство „до цеха и до рабочего места“, то необходимой предпосылкой и единственной возможностью это сделать является строгое и четкое разделение труда внутри плановой системы. С этой точки зрения, конечно, план отдельного предприятия или отдельного цеха не может являться предметом непосредственной работы наркомата или, тем более, Госплана. Народно-хозяйственный план должен мыслиться не как единый документ, заключающий конкретные планы для всех единиц, а как система документов, тесно связанных, полностью вытекающих один из другого, но ни в одной точке друг друга не дублирующих. „Система плановых органов“ должна противостоять в качестве объекта ее деятельности „система народно-хозяйственного плана“ — в частности, „система контрольных цифр“, охватывающая все народное хозяйство, являющаяся продуктом всей системы плановых органов и только завершаемая и объединяемая контрольными цифрами Союзного Госплана, как синтетическим планом всего народного хозяйства в целом. Едва ли можно давать иное толкование установке на централизацию планирования: ведь, если бы понимать эту установку механически, в смысле установления центральным органом всех решительно частных планов в народном хозяйстве, то вся система плановых органов была бы не нужна, а Союзный Госплан никогда не мог бы справиться с такой сверхчеловеческой задачей.

К этому присоединяется ряд практических соображений. Прежде всего позволительно будет усумниться в технической осуществимости

планового документа, покрывающего всю „систему народно-хозяйственного плана“. Формы, приложенные к директиве Союзного Госплана, предусматривают одних основных таблиц 265 (в том числе 80 по промышленности, 51 по труду, 30 по сельскому хозяйству, и т. д.); почти все они имеют гигантские развороты подлежащего или сказуемого, или обоих вместе, которые фактически принудят в технике выполнения разбить каждую из них на несколько таблиц; вдобавок многие из них по своему характеру (или даже по особым примечаниям в инструкции) требуют приложений, добавочных рабочих таблиц и т. д. Едва ли мы ошибаемся, если скажем, что в практике выполнения эти формы должны будут вылиться в библиотеку от одной до двух тысяч больших таблиц. Но ведь они потребуют и текстового анализа, и вторичных таблиц выводного и синтетического характера, и текста в синтетических разрезах, сопровождающего эти вторичные таблицы. Легко представить себе, каков должен был бы быть на практике объем документа, который захотел бы вместить в себя весь этот материал. Он не поддавался бы даже освоению читателем, не говоря уже о полной переработке и действительном использовании всех разрезов самими авторами плана. Вместе с тем, при этом для центрального планового органа неизбежно возникла бы опасность до такой степени утонуть в частных разрезах и их документации, что это могло бы повредить четкости видения и разработки наиболее общих синтетических разрезов, составляющих именно главную задачу Госплана Союза. Было бы, конечно, неправильно подчеркивать те многочисленные отдельные неувязки и противоречия, которые на нынешней предварительной стадии работ могут быть подмечены между теми или иными преподанными формами. При крайней спешности работы, в том огромном техническом труде, который был выполнен по этим формам Союзным Госпланом, не могло не вкрасться подобных неувязок. Поэтому мы на них и не останавливаемся. Но самый факт их наличия (как мы сейчас упомянули, неизбежного) служит до некоторой степени предостережением об опасности возникновения еще больших технических осложнений и неувязок при самом составлении контрольных цифр — неувязок, которые могут потребовать от Госплана СССР слишком большого отрыва сил и мысли от основной задачи, синтетического плана.

Наконец, даже в том случае, если бы подобный единый плановый документ удалось осуществить, позволительно опасаться, что наряду с его огромной положительной ценностью могли бы возникнуть и довольно значительные отрицательные последствия. Перекрывая планы отраслей, объединений, предприятий и даже цехов, этот документ тем самым в какой то степени перекрывал бы и их ответственность за эти планы, а следовательно и ответственность за осуществление этих планов. В наших условиях, когда напряженная борьба за осуществление плана становится повседневным фактором нашей жизни на всех участках хозяйственной, культурной и общественной жизни, когда план 1930-31 года будет, несомненно, запроектирован с еще большим напряжением, а следовательно и с еще большей ответственностью за выполнение, чем план текущего года — в этих условиях такое перекрытие ответственности представляет слишком серьезный акт, чтобы не отмерить семь раз прежде, чем его совершить.

Едва ли можно сомневаться, что метод построения Союзным Госпланом контрольных цифр на 1930-31 год не является еще сейчас окончательно отстоявшимся. В процессе работы, несомненно, их методология еще будет и поверяться, и углубляться. Мы не считаем поэтому сделанные сейчас замечания возражениями, направленными *против*

методологии Союзного Госплана. Повидимому, метод составления контрольных цифр явится в окончательном своем виде плодом коллективного мышления всей плановой системы под общим руководством Госплана СССР. Поэтому именно в порядке обсуждения позволим себе наметить некоторые положения, которые с нашей точки зрения могли бы помочь правильно разграничить содержание работы отдельных органов, участвующих в составлении „системы контрольных цифр“.

Если мы, опираясь на существующую литературу по вопросу о поддержании народно-хозяйственного плана на нынешней стадии социалистической реконструкции, попытаемся сформулировать его главные задачи, то мы получим приблизительно следующее перечисление:

а) общий учет и общий план использования трудовых ресурсов и естественных производительных сил (земля, энергия, недра),

б) учет объема и распределения основных капиталов по отраслям производства;

в) план распределения по отраслям труда, энерговооружения, оборотных средств и т. д. в зависимости от производственных заданий;

г) вопросы пропорций в производстве материальных ценностей (как база для предыдущего пункта);

д) предварительный учет материальных ресурсов, которые будут произведены в нар. хозяйстве;

е) распределение ресурсов между потреблением и накоплением (включая сюда и план изъятий из фонда потребления, перераспределяемых государством);

ж) план распределения накоплений между базой материального воспроизводства и надстроечными сферами;

з) вопросы изменения пропорций расширенного воспроизводства и вытекающий отсюда план отраслевого распределения строительства (т. е. овеществляемых накоплений) в пределах сферы материального производства;

и) план территориального размещения строительства в связи с оптимальными штандартами различных отраслей народного хозяйства;

к) планы комбинирования общесоюзных хозяйственных объектов и местных хозяйственных комплексов;

л) планы технической реконструкции.

Это — плановые проблемы, разрешаемые в основном внутри обобщенного хозяйства. К ним следует еще прибавить, с одной стороны, предварительный учет социальных сдвигов, а с другой стороны, план и предварительный учет взаимоотношений с капиталистическим окружением.

Если мы подойдем к рассмотрению характера отдельных элементов народно-хозяйственного плана (а отсюда к определению тех плановых органов, которые должны ими заниматься), то нам удастся легко разграничить разделы синтетические в масштабе всего народного хозяйства, разделы, связанные с комплексным районным планированием, и, наконец, разделы, уместающиеся целиком в пределах отраслевых и более низких планов.

Планы использования и распределения труда и производительных сил, пропорций сводных производственных заданий, распределения народного дохода между потреблением и накоплением, планы распределения вложений в отдельные отрасли, в соответствии с поставленными задачами в отношении их пропорций — это, конечно, разделы чисто синтетические, и при том требующие синтеза в объеме всего народного хозяйства в целом. Союзный Госплан является единственным органом, могущим построить в целом эти планы. Однако это не освобождает и

все другие синтетические плановые органы (т. е. общеплановые комиссии) от разработки этих разделов. С одной стороны, пропорции, установленные для всего народного хозяйства Союза, не могут не подвергаться индивидуальным изменениям в каждом отдельном территориальном районе в зависимости от структуры его хозяйства (т. е. от его места в общесоюзном разделении труда), от его конкретных потребностей в надстроечной сфере, от его локальных диспропорций, и т. д.; с другой стороны, многочисленные виды местных источников накопления и местных изъятий из фонда потребления не могут быть охвачены все-союзным планированием со всей той индивидуальной конкретностью, которая необходима для непосредственного исполнительного плана их обращения в новое строительство; с третьей стороны, трудовые и естественные ресурсы поддаются более полному учету и охвату на местах, нежели в централизованном планировании. Таким образом, Союзный Госплан, строя эту часть плана в общем синтетическом разрезе для всего народного хозяйства, может и должен индивидуализировать балансы труда и материальных ресурсов производства, распределение произведенных ресурсов между потреблением и накоплением, распределение самого накопления по его целевым назначениям и втекающий план вложений только в отношении крупных экономических районов и отдельных наиболее важных объектов строительства всесоюзного значения. Одновременно, на основе его директив и в пределах его лимитов, соответствующие элементы народно-хозяйственного плана должны быть проработаны всеми общеплановыми органами в отношении соответственных территорий.

Количественные задания по продукции и план расстановки производственных сил на базе действующего основного капитала также может и должны составлять содержание обще-союзного плана только в общей синтетической форме. Такие вопросы, как эффективность третьей смены в отдельном цехе или жилищные условия отдельного предприятия, только с исследовательской точки зрения могут интересовать Союзный Госплан. Основная же схема плановой работы в отношении этой группы вопросов (а следовательно в отношении связанных с нею качественных показателей) должна определяться так: места учитывают производственные ресурсы местного характера (труд, местная энергетика и проч.) и прорабатывают оптимальную их расстановку, исходя из директив Союза в отношении направлений развития и из союзных лимитов в отношении ресурсов не местного происхождения (наприм. привозное сырье и топливо); предприятия и объединения (в последнем звене отрасли) учитывают размеры продукции, достижимые на основе этой расстановки производственных сил; наконец, сводя отраслевые планы, Союзный Госплан выявляет общий объем материальных ресурсов, могущий быть произведенным на базе действующего капитала, дает в случае надобности окончательные коррективы к расстановке производственных сил и в зависимости от них окончательное задание отраслям (ведомствам) по объему продукции и качественным показателям.

В отношении плана территориального размещения нового строительства (штандорт) разделение труда между плановыми органами намечается само собою. Если в капиталистическом хозяйстве оптимальный штандорт определяется совершенно четкой цифровой величиной, максимальной рентабельностью предприятия, то в нашем хозяйстве, конечно, решающим моментом может явиться только „повышение эффективности всего народного хозяйства в целом“. Это повышение эффективности сказывается с одной стороны, в прямом эффекте, получаемом в пределах деятельности данного предприятия, а с другой стороны, во влиянии

этого предприятия на весь комплекс хозяйства того района, где оно будет помещено. Отраслевые плановые части являются наиболее компетентными органами для ответа на первый вопрос — о прямой эффективности предприятия в зависимости от его местоположения; местные синтетические плановые органы заинтересованных территорий наиболее полно могут осветить вопрос о его комплексном эффекте во всем хозяйстве района. Таким образом, и отраслевые, и общеплановые органы должны работать над этими вопросами, но только Союзный Госплан, синтезирующий в последнем звене отраслевой и территориальный разрезы, может дать в каждом случае окончательное решение. Поэтому вопрос размещения строительства и связанные с ним вопросы направления реконструкции районов должны составить неотъемлемую часть синтетического народно-хозяйственного плана Госплана СССР.

Но совершенно иначе решается вопрос о планах комбинирования общесоюзных объектов и местных хозяйственных комплексов. По существу это есть планы освоения хозяйством отдельных территорий новых объектов Союзного строительства. Союзный Госплан не может, да и не должен замещать в этом вопросе обще-плановые органы соответственных территорий, которые одни могут разрешить его с достаточной конкретностью, достаточной практической четкостью и оптимальным народно-хозяйственным эффектом. Эта часть плана должна быть полностью передана местам.

Наконец, план технической реконструкции, как легко понять, по самой своей природе не заключает в себе никаких синтетических моментов. Его значение для синтетического народно-хозяйственного плана начинается тогда, когда он уже вылился в цифры продукции и производственного потребления. С этого момента он и должен в виде этих цифр влиться в синтетический плановый документ. Всякая иная постановка вопроса, всякое стремление перекрыть в этом деле ведомства и объединения общеплановыми органами, диктовать ведомствам и объединениям из общеплановых органов конкретные указания по реконструкции техники производственных процессов — означало бы глубочайшее недоверие к собственным силам ведомств и объединений, стремление непосредственно опекать их в сфере их основной оперативной работы. Если бы возможно было стать на такую точку зрения, то она, во всяком случае, оказалась бы в непримиримом противоречии с той идеей разделения труда между отраслевыми и синтетическими плановыми органами, которая положена в основу всей реформы плановой системы.

Попробуем с точки зрения изложенных установок просмотреть структуру форм, преподанных Союзным Госпланом по отдельным разделам контрольных цифр: нам нетрудно будет убедиться, как велика будет разгрузка Госплана СССР от drobных разрезов при таком разделении труда.

Первым разделом в формах помещен труд. Таблицы №№ 2-4 имеют целью дать материал для дифференцированного (по квалификациям) баланса труда в промышленности. Совершенно очевидно, что как теоретически, так и практически, основной разрез баланса труда — территориальный, и Союзный Госплан получил бы максимальный эффект, идя по пути сводки территориальных балансов и предоставляя местам дальнейшую отраслевую дифференциацию. Между тем, формы требуют от ВСНХ развернутых показателей по отраслям с выделением в каждой из них новых предприятий; а п. 12 в методолог. примечаниях, поручая НКТруду баланс труда в управленческих аппаратах, предъявляет к нему требование дать подлежащее в таком делении: „ВСНХ: а) управленч. аппарат советов народного хозяйства; б) всесоюзные объединения промыш-

ленности и торговли, причем каждое выделяется отдельно (курсив наш); в) научно-исследовательские институты; г) Втузы и техникумы“.

(Следуют такие же детализованные подлежащие для всех других наркоматов).

Табл. №№ 17-19 (для НКПС) построены так же, как и для промышленности. К табл. №№ 29-31, заключающим те же данные для строительства, имеется примечание: „составляются таблицы по каждой отрасли нар. хозяйства: промышленность, ж. д. транспорт, др. виды транспорта, коммунальное хозяйство, соц.-культ. сектор и прочее“ — между тем, в отношении строительства наиболее очевидно, что реальность и практическое значение имеют только территориальные, а отнюдь не отраслевые балансы рабсилы. Табл. № 11 (по промышленности), № — 23 (по транспорту) должны дать детальную картину жилищных условий рабочих и служащих и членов их семей. Подлежащее то же (отрасли с выделением в каждой новых предприятий); нужно ли доказывать, что и здесь решающим разрезом в действительности являются не отрасли, а территории, и только местным плановым органам следует заниматься диспропорциями в жилищном обеспечении рабочих отдельных предприятий (предприятий, а не отраслей)? Табл. № 35-а (труд в колхозах), давая в сказуемом почти развернутое содержание баланса труда, в подлежащем следует выделить „по каждому объекту (курсив наш): а) период сева, б) период уборки, в) период зимний“. Общее подлежащее по колхозам дается в таком разрезе: 1. С валовой продукцией свыше 500 т. р.: а) зерновые, б) мясные, в) молочные, г) свекловичные, д) хлопководческие, е) льноводческие, ж) прочие сырьевые, з) смешанные, итого, в т. ч. а) коммуны, б) артели. 2. С валовой продукцией от 101 до 500 т. р. (со всеми теми же подразделениями). 3. С валовой продукцией ниже 100 т. р. В строении этого подлежащего, повидимому, соединены три закона анализа календарного использования труда:

а) задача социально-экономическая (коммуны, артели);

б) задача анализа технико-экономической реконструкции (направление хозяйства — кстати, пока, вероятно, еще недостаточно проявившееся в большинстве коллективов);

в) задача уловления оптимальных размеров по типам хозяйства (комбинация типов с размером продукции).

Конечно, для каждой из этих задач баланс труда представляет существенный момент; но не превращены ли здесь задания по синтетическому плану в орудие отраслевых технико-экономических исследований, вместо того, чтобы служить конечным выводом, опирающимся на предварительную полную реализацию исследовательских достижений в отраслевом плане технической реконструкции?

Перейдем к схемам по электрификации. Форма № 2 (капитальное строительство и финплан) должна быть заполнена отдельной таблицей (с 45 графами в подлежащем) для каждого объекта электростроительства по титульному списку — при этом учитываются раздельно статьи капитальных работ, статьи расходов и т. д.; такие титульные таблицы весьма необходимы ведомству, но синтетический нар.-хозяйственный план не может из них извлечь ничего, кроме их общей сводки. Табл. № 9 и № 10 даются в таком же титульном виде по каждой районной станции. При этом их показатели: кубатура машинного помещения на 1 квт., кубатура котельной на 1 гтн. пара в час, средний фактический расход пара (в клгр.) на 1 квтчас, отпущенный с шин, средняя паропроизводительность с 1 кв. м. поверхности нагрева котлов в кв. м., в т. ч. с давлением до 18 атм., от 18 до 35 атм. и свыше 35 атм. и т. д. Можно

ли сомневаться в том, что прохождение подобных показателей по каждой станции через Союзный Госплан будет иметь характер штампования и что эти показатели не будут использованы для синтетического плана народного хозяйства? Форма № 12 (по сельской электрификации) предусматривает такие же титульные таблицы для каждой установки от 1000 квт., а для остальных отдельные таблицы для установок: а) зернотреста, б) совхозцентра, в) сахаротреста, г) главхлопкома, д) колхозцентра (в т. ч. отдельно АИК), е) специальных кооперативных центров, ж) промысловой кооперации. Эта таблица должна быть полностью отнесена к работам соответственных объединений (в отношении технических и технико-экономических показателей) и мест (в отношении баланса энергии и местного районирования строительства, производимого по различным отраслевым линиям).

Нетрудно было бы просмотреть таким-же порядком формы Союзного Госплана и по другим разделам. Недостаток места не позволяет нам этого сделать. Но приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться, как сильно правильное разграничение работ с ведомствами и местами облегчило бы намеченные схемы контрольных цифр Союзного Госплана. Тем самым это разграничение позволило бы ему глубже сосредоточить свои силы на определяющих синтетических разрезах плана, где его непосредственная работа наиболее необходима. Вместе с тем разделение труда, конечно, ни в какой мере не влекло бы за собою нарушения единства народно-хозяйственного плана: система контрольных цифр, выраженная в соответственной системе плановых документов, именно при этих условиях предстала бы перед нами не в виде механического объединения в одной книге, а в виде наиболее глубокого органического единства, основанного на полной цепной увязке, на полном единстве и сквозном проведении основных синтетических задач.

А. Г. ФИШМАН

Проблема реального капитализма

(Теоретико-экономический очерк)¹⁾

Большой заслугой Маркса в области экономической науки является установление основных категорий политической экономии и четкое выяснение законов диалектического движения этих категорий. Работа марксистской экономической мысли в течение шести десятков лет, прошедших со времени выхода в свет главного труда Маркса, в основном была направлена на лучшее уразумение глубины научных его построений на систематическое изложение отдельных частей теории, которые не были связно изложены автором, в виду незавершенности его работы, на популяризацию.

Занятая этой работой, марксистская школа уделила, вообще говоря, мало внимания другой задаче, имеющей не меньшую важность, дальнейшей разработке теоретического построения своего учителя в целях приближения его к конкретным формам хозяйства. Если аналитический метод изучения хозяйства был выяснен во всех деталях, и была раскрыта вся филигранная тонкость его применения у Маркса, то этого совсем нельзя сказать относительно выяснения того, каким образом движение и развитие абстрактных понятий приводит к конкретному, реальному хозяйству; иначе говоря, метод генетический (или диалектический), позволяющий проследить генезис и развитие более сложных и конкретных форм, привлекал к себе очень мало внимания.

Пользуясь этим, многочисленные критики марксизма сделали своим излюбленным оружием конкретно-экономические построения и данные, почерпнутые из изучения хозяйства отдельных стран и исторических эпох, чтобы обрушить на марксову теорию „упрямые факты“, якобы находящиеся в непримиримом противоречии с этой теорией.

Было бы грубой ошибкой непосредственно-практически применять абстрактные категории политической экономии к любой группе фактов, почерпнутых из эмпирической действительности,—поступить таким образом значило бы пойти по стопам вульгарных критиков марксизма, одержавших легкие победы, лишь благодаря полному непониманию того, что являлось объектом критики с их стороны. Как известно, абстрактные категории Маркса были выведены им из рассмотрения „абстрактного капитализма“, т. е. исходя из предпосылки, что товарные отношения являются повсюду господствующими, отвлекаясь также от учета национальных границ, внутри которых фактически развивался ка-

¹⁾ Печатается в порядке обсуждения. Ред.

питализм, отвлекаясь, наконец, от наличия других классов, кроме буржуазии и пролетариата¹⁾).

Обращаясь к реальной действительности, мы видим сейчас, т. е. спустя более шестидесяти лет после выхода в свет „Капитала“, что докапиталистические формы не являются преодоленными не только в Азии и Африке, но даже на Европейском континенте. Если не считать двух-трех стран, нигде нет еще в настоящее время условий, при которых капитализм установил бы свое единодержавие; крестьянское хозяйство, в общем и целом, дает образец живучести докапиталистических форм и самим своим существованием отрицает абстракцию двух-классового общества. Было бы ошибкой закрывать глаза на то, что большая часть человечества, находясь в сфере воздействия капитала, до сих пор стоит вне капиталистического производства в точном смысле слова.

С другой стороны, говоря конкретно, мы не можем рассматривать весь торгующий мир, как одну нацию, пожалуй, даже в отношении товаров, играющих значительную роль на мировом рынке (важнейшие виды сырья и продовольствия), не говоря уже о всей остальной массе производимых товаров, рынок которых прочно очерчивается пределами национального хозяйства. Хотя связь между национальными хозяйствами растет, однако значение государственных границ было и остается чрезвычайно важным. Ведь различие географических условий, численности населения и темпа его прироста, различие классовой структуры в зависимости от исторического прошлого, наконец, различие правовых норм, прокладывает резкую разграничительную линию между отдельными „национальными хозяйствами“. К этому нужно добавить, что государство отнюдь не является нейтральным и безразличным свидетелем хозяйственного процесса. Не говоря уже о современном капиталистическом государстве с его тенденцией все более отходить от функции „ночного сторожа“, нельзя преуменьшать влияние государства на хозяйство в предшествующее время. Представляя из себя с момента возникновения аппарат насилия, государство было виновником роста эксплуатации народного труда, но одновременно, — концентрируя в своих руках определенную территорию и способствуя росту сношений, устанавливая единообразие отношений во всей подчиненной области, государство создавало силы сцепления отдельных хозяйственных клеточек воедино, спаивая их в „национальное хозяйство“ определенного типа.

Если вышесказанное правильно, то совершенно необходимо сделать тот вывод, что изучение „реального капитализма“ (термин Бухарина) невозможно без предварительной „теоретической обработки“ основных категорий под углом зрения, учитывающим, во первых, сосуществование докапиталистических форм с более высокими формами и, во вторых, развитие хозяйства внутри определенных национальных рамок. Действуя таким образом, мы будем двигаться от абстрактных категорий к конкретным формам их проявления; это и будет применением того метода,

¹⁾ В первом томе „Капитала“ мы читаем: „для того чтобы рассмотреть предмет нашего исследования совершенно в чистом виде, независимо от затемняющих дело обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство...“ (565 стр. примечание, ГИЗ, 1923 г.). И еще во втором томе: „но существуют, вообще говоря, только два исходных пункта: капиталисты и рабочий. Третьи лица всех разрядов или должны получать деньги от этих двух классов за какие-нибудь услуги, или, поскольку они получают деньги без всяких услуг со своей стороны, они являются совладельцами прибавочной стоимости в форме ренты, процента и проч.“ „Капитал том II, 303—304 стор.“ „Московское Книгоизд.“, под редакцией Богданова, 1907 г. В дальнейшем все цитаты из „Капитала“ приводятся по тем же изданиям.

который носит у Маркса название диалектического (соединение аналитического и синтетического методов).

Четкое разграничение между „абстракциями“ хозяйства и „практически истинным“ можно найти во „Введении к критике политической экономии“. О „труде“ там сказано: „простейшая абстракция, которую современная экономия ставит во главу угла и которая выражает древнейшее, для всех общественных форм действующее отношение, становится в этой абстракции *практически истинным* только как категория современнейшего общества... То, что в Соединенных Штатах является историческим продуктом — это безразличие к определенному виду труда,— у русских, например, есть врожденное качество... Этот пример труда убедительно показывает, как даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что именно благодаря своей отвлеченности они применимы ко всем эпохам, в самой определенности этой абстракции являются в такой же мере продуктами исторических отношений и *обладают полной обязательностью только для этих отношений и внутри их*¹⁾.

Итак, если мы стремимся к тому, чтобы исследовать реально-капиталистические отношения, мы не имеем права орудовать основными категориями без оглядки на то, что из себя представляет данная страна, как „продукт истории“. „Полная обязательность“ категории „труд“, по мысли Маркса, бесспорна для Соединенных Штатов, ибо там „индивиды с легкостью переходят от одного вида труда к другому... Определенный вид труда является для них случайным, и потому безразличным. Труд здесь не только „в категории“, но и в действительности, стал средством создания богатства вообще и утратил свою связь с определенным индивидуумом“²⁾. В тоже время — для конкретного освещения хозяйства отсталой России (Маркс имел в виду Россию 1857 г.) категория „труд“ не может быть использована непосредственно, ибо „...у русских этому безразличию по отношению к какому либо определенному виду труда практически соответствует традиционная привычка к определенной работе, при чем только внешнее влияние выбивает их из обычной колеи“³⁾.

Производственные отношения между рабочими и капиталистом, взятые в своей конкретности, складываются далеко не одинаково в различных странах. Имея общие, так сказать, „родовые“, черты, они обладают в тоже время „видовыми“ отличиями, которые не могут быть сведены до конца к размеру накопления и органическому составу капитала, но связаны также целым рядом социально-исторических условий, как-то: численность народонаселения, отношение между капиталистическими и некапиталистическими формами хозяйства, чисто-государственная эксплуатация и т. д.

Вряд ли есть необходимость распространяться на тот счет, что различие в положении труда в различных странах чрезвычайно широко: достаточно вспомнить положение рабочих Китая или Индии с их полуколониальной эксплуатацией, бразильские и вообще южно-американские плантации с полурабским трудом „пеонов“, а с другой стороны — батраков на фермах Соединенных Штатов, а особенно промышленных рабочих этой страны. Как известно, условия труда далеко не одинаковы и в отдельных государствах европейского континента: довоенный реальный заработок английского рабочего был вдвое выше заработка бельгийского рабочего, а заработок германских и французских рабочих едва до-

¹⁾ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 28 (курсив наш) 4 издание Кооперативное Изд. „Московский Рабочий“ М., 1922 г.

²⁾ Там-же, стр. 27.

³⁾ „ „ 28,

стигал $\frac{3}{4}$ английского уровня. Длина рабочего дня, охрана труда, рабочее право дают, в свою очередь, не менее пеструю картину по различным странам.

Знакомясь с полным планом изложения экономической науки, о котором Маркс сообщает во „Введении к критике п. э.“, мы узнаем, что последний намеревался вслед за общими абстрактными определениями перейти к „категориям, которые образуют внутреннюю организацию буржуазного общества и на которых покоятся основные классы“¹⁾. Эта часть плана была осуществлена в „Капитале“, однако Маркс отнюдь не собирался очертить круг вопросов теоретической экономики только этим. Вслед за исследованием категорий буржуазного общества должно было идти изложение следующих вопросов: „В третьих, *соединение буржуазного общества в форме государства, рассматриваемое в отношении к самому себе*. Непроизводительные классы. Налоги. Государственный долг. Общественный кредит. Население. Колонии. Эмиграция. В четвертых, международные условия производства. Международное разделение труда. Международный обмен. Ввоз и вывоз. Вексельный курс. В пятых, мировой рынок и кризисы“²⁾.

Нам представляется, что в пунктах 3—5 своего плана Маркс предполагал дать исследование „реального“, „конкретного“ хозяйства, сперва как „национального хозяйства“, а затем, как „мирового хозяйства“. Своим ученикам Маркс завещал, таким образом, не только богатое наследство, которое необходимо изучить, систематизировать и инвентаризовать, но и определенную программу, следуя которой можно довершить здание экономической теории.

К сожалению, марксистская литература не успела до сих пор выполнить эту задачу в полной мере и не дала трудов, посвященных систематической трактовке проблемы реального капитализма, ограничиваясь исследованием отдельных проблем конкретного капитализма или отдельных периодов его развития.

Для того, чтобы дать отпор критикам Маркса, базирующим свои построения на анализе капитализма в чистом виде, в общем — совершенно достаточно вскрыть противоречивость их построения, недостаточность и бесплодность системы, не прибегая к совокупности аргументов, которые дает в наше распоряжение картина реального капиталистического общества. Другое дело, когда приходится сталкиваться лицом к лицу с экономистами, отказывающимися от „теоретической модели“ чистого капитализма и выводящими свои законы непосредственно из условий реального капитализма. Здесь потребуются совсем иная критика.

Не ограничиваясь спором об основных категориях, придется последовать за противником в его сферу исследования — область реально-капиталистических отношений, чтобы разбить врага на его же территории. Только в этом случае удастся четко и неопровержимо доказать превосходство марковского метода в экономическом исследовании.

И. Общие положения

Азбучной истиной для всякого марксиста является то положение, что на протяжении истории человечества производственные положения менялись не один раз и что, в соответствии с этим, не может быть речи об универсальности и извечности экономических категорий, которые в действительности всегда адекватны определенной ступени развития производительных сил. С другой стороны, всякому, кто знаком

1) К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 31.

2) „ „ Там-же.

с экономической действительностью, великолепно известно, что ни одна страна мира не знает, строго говоря, производственных форм „чистого типа“, которые бы безраздельно господствовали на всем поле экономической жизни; повсюду реальная действительность преподносит нам, напротив, сожителство новых форм со старыми, своеобразный симбиоз или „смешанный стиль“, пользуясь выражением В. Зомбарта.

Широко известны слова В. И. Ленина о том, что в хозяйстве России сожителствуют целых пять хозяйственных укладов: патриархальное хозяйство, мелкое товарное хозяйство самостоятельных товаропроизводителей, капитализм, социализм и госкапитализм. Конечно, капиталистические страны современной Европы по большей части не знают такого обилия форм, сожителствующих друг с другом, однако они не имеют в тоже время и „чистого капитализма“. Даже идущие впереди других стран Соединенные Штаты и Великобритания не свободны вполне от „смешанного стиля“ хозяйственной жизни, ибо, как известно, хозяйство этих стран находится в самой тесной связи как с хозяйством отсталых колониальных стран, так и с производством мелких товаропроизводителей внутри национальных границ (негритянский юг Соединенных Штатов).

Но, если дело обстоит так, то возникает вполне естественное сомнение в том, насколько основные категории политической экономии, выведенные при предпосылке чистого капитализма, могут быть признаны научно выдержанными, как исходный пункт при изучении хозяйства „смешанного стиля“. Не находимся ли мы в плену грубого схематизма и кабинетно-безжизненных формул?

Очень резко ставит этот вопрос П. П. Маслов.

„Еще и в настоящее время большая часть производительности мирового хозяйства организована в первичных формах предприятий, прошедших только первую ступень от изолированного натурального хозяйства. Ясно, что *основывать анализ национального или мирового хозяйства на анализе только меньшей части предприятий, предприятий капиталистических, хотя и играющих руководящую роль в общем развитии страны, было бы нецелесообразно*. В современном мировом хозяйстве, которое сложилось из отношений между собою национальных хозяйств, сохранились и существуют все переходные формы, начиная от первичных и кончая капиталистическими трестами и синдикатами“¹⁾.

Говоря о том, что основывать анализ мирового или национального хозяйства на основе анализа только капиталистической формы хозяйства нельзя, Маслов думает бросить, таким образом, вызов марксизму, игнорирующему якобы многообразие и сложность реальной действительности.

Марксизм, однако, не так наивен, как это представляется нашему автору. Полагая, что „Труд“ является наиболее универсальным понятием, что форма трудовых отношений представляет из себя основу всех хозяйственных систем, которые знает история, марксисты не закрывают глаза на существенные различия в характере проявления, в формах трудовых отношений на различных ступенях развития. Во введении мы цитировали уже слова Маркса, которые показывают, как последний понимал отношение между абстрактными категориями и конкретными историческими формами. Никто не собирается стирать или замазывать различия конкретно-исторических общественных форм, — спор проходит совсем по другой линии.

„Буржуазное общество“, по словам Маркса: „есть наиболее развитая и многосторонняя историческая организация производства. Кате-

¹⁾ П. П. Маслов. Наука о народном хозяйстве, 232 стр., курсив наш.

гории, выражающие его отношения, понимание его организации, дают одновременно возможность понять строение и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых это общество строится, отчасти продолжая влечь за собою их остатки, которые оно не успело преодолеть, отчасти развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека. Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны... Буржуазная экономика дает нам ключ античной¹⁾ и т. д.¹⁾). Категории товарно-капиталистического хозяйства сами по себе не дают и не могут дать исчерпывающего ответа на все вопросы, но служат лишь „ключем“, „первым шагом“, в анализе конкретно-исторических форм хозяйства. Вторым шагом, на наш взгляд, должно явиться изучение материального производства людей в ту или другую эпоху, поскольку это материальное производство накладывает свою специфическую печать на производственные отношения. Материальная сторона производства отнюдь не безразлична для экономиста. В отличие от некоторых представителей буржуазной экономической науки, которые рассматривали цену и стоимость, как нечто произвольное, абсолютно несвязанное с материальным производством, марксистская теория прочно держится того взгляда, что, если форма стоимости выражает общественную сторону процесса производства, то содержание стоимости является выражением материального процесса производства.

Затрагивая интересующий нас вопрос в „Ницете философии“ Маркс говорит: „Социальные отношения тесно переплетаются и связываются с производственными (производительными) силами. С приобретением новых производительных сил, люди изменяют и свой способ производства, а с изменением способа производства, или способа приобретения средств существования, они изменяют и все общественные отношения. Ручная мельница порождает общество феодальных владетелей, а паровая мельница — общество промышленных капиталистов“²⁾. Нам кажется, что не будет преувеличением, если мы скажем, что важнейшим имманентным методом при изучении реального капиталистического общества „смешанного стиля“ должно явиться конкретное изучение *размаха и распределения производительных сил* в данном обществе, причем основные категории, выведенные из предпосылки чистого капитализма, сохраняют все значение исходных пунктов, облегчающих анализ. Для того, чтобы не выйти при этом за пределы теоретической экономической науки, являющейся наукой о производственных отношениях, мы должны будем рассматривать производительные силы, их распределение и перераспределение лишь постольку, поскольку это необходимо для понимания возникающих на их почве социальных отношений, а не как независимый и самостоятельный объект исследования. Именно поэтому все наше внимание должно быть обращено на *производственные условия* в широком смысле, ибо именно здесь — в природных, производительных, распределительных и потребительных предпосылках — лежит исходный пункт, определяющий тот или иной характер производственных отношений. Таким образом, путь к пониманию реального капиталистического хозяйства, по нашему мнению, проходит от исследования *производственных условий* в их своеобразии к *производственным отношениям*, между тем как при анализе „чистого капитализма“ первое звено, как предварительный объект исследования, собственно выпадает, ибо производственные условия предполагаются, как заранее данные. Если присмотреться к развитию хозяйства в течение XIX и начала XX в., с точки

¹⁾ К. Маркс. Введение к критике п.-э., 28 стр.

²⁾ „ „ Ницета философии, стр. 115.

зрения материального производства, то можно обнаружить определенную последовательность в распределении производительных сил.

В первый период наибольший размах получает приток капитала и рабочих сил в область транспорта и средств сношений и обмена в широком смысле, а также в отрасли, производящие предметы широкого потребления (текстильная промышленность). Под знаком железно-дорожного строительства происходит приобщение и связывание всей территории, охватываемой национальными границами, и образование единого внутреннего рынка. Центр тяжести в хозяйственной жизни начинает переходить из деревни в город, что сказывается в относительном падении численности деревенского населения и сельско-хозяйственной продукции. Уровень механизации труда сравнительно низок, и капитал, пользуясь наличием обширной резервной рабочей армии, привлекает ее к производству, а также женский и детский труд, подвергая рабочих жестокой эксплуатации, не ограничиваемой никаким государственным нормированием и запрещениями.

Вторым этапом является развитие тяжелой промышленности, начинающей занимать центральное место в хозяйственной жизни. Быстрый прогресс горнозаводского дела и металлургии открывают новую эпоху внутри капитализма, ибо, как известно, современная цивилизация и весь прогресс техники основаны в значительной степени на угле и железе. Начиная с 60-х годов выплавка чугуна растет сказочно-быстрым темпом: с 7 милл. тонн в 1860 году мировая выплавка поднимается до 70 мл. в 1910 г., т. е. увеличивается в 10 раз. Металлургия приобретает значение командующей высоты или „ключевой индустрии“, как выражаются англичане. Это происходит как в силу быстрого роста ее, так и потому, что металлургия устанавливает свое господство над угольной промышленностью, а также над белым и жидким углем, обнаруживая в тоже время наибольшую склонность к организованным формам картелирования, создания синдикатов и т. д.

Если в первый период, собственно говоря, только создаются предпосылки для господства капиталистических форм, путем вторжения — через железные дороги — в некапиталистические районы и создания там опорных баз капитализма, то во второй период — капитализм является уже не завоевателем, имеющим чуждое и враждебное окружение; напротив — он хозяин в завоеванной стране; законы завоевателя становятся органическими законами жизни. Соответственно этому, второй период значительно отличается от первого в области производственных отношений: тяжелая промышленность, являющаяся объектом приложения огромной массы капитала, опираясь на естественную монополию, складывается в национальные (а иногда международные) картели, синдикаты, тресты и, срачиваясь с банковым капиталом, открывает эру монополистического, финансового капитала, модифицируя условия образования цены, нормы прибыли, характера рабочего договора и т. д. и т. п., изменяя, следовательно, экономическую структуру, характерную для „свободного“ капиталистического хозяйства.

Третий период, который является, как учит Ленин, периодом империализма, носит у В. Зомбарта многозначительное название „позднего капитализма“, знаменуется новым изменением в развитии материального производства, — электричество и химия выступают на первый план.

Замена паровых установок электрическими влечет за собою резкие изменения в составе рабочей силы. В эпоху паровой машины огромная резервная армия пролетаризирующегося крестьянства и ремесленников впитывалась на фабрики, заводы и шахты, как углекопы для добычи минерального топлива, в котором нуждались сотни тысяч паровых уста-

новоков, и в качестве маталлистов различной квалификации для обслуживания двигателей и рабочих машин. В результате перехода к использованию электричества можно наблюдать, как углекопы и металлисты начинают утрачивать свое прежнее положение в общей массе рабочих. Дело в том, что электроцентрали огромной мощности могут обслуживаться одним-двумя десятками рабочих; если же эти электроцентрали используют водную энергию, одновременно становятся излишними многие сотни, если не тысячи, углекопов. Совершенно отвлекаясь здесь от вопроса о прочности капиталистической стабилизации, нельзя не признать, что изменение в материальном производстве приводит уже сейчас к изменению профессиональной структуры рабочего класса, что не может пройти без последствий и для характера отношений между трудом и капиталом. Статистика говорит нам о том, что в Соединенных Штатах и Германии относительная численность физических рабочих на предприятиях сильно сокращается по сравнению с техническим персоналом, а также служащими, занятыми учетом и контролем.

Не меньшее значение имеет развитие химии.

Автор „финансового капитала“ Р. Гильфердинг полагает, что наиболее характерным явлением для новейшего периода развития хозяйства является развитие „синтетической химии“, применение которой „означает нечто принципиально новое“. ¹⁾ Эта новизна обуславливается, во первых, тем, что капиталистическое хозяйство становится до известной степени независимым от отдельных месторождений сырья: естественное сырье вытесняется неорганическими соединениями веществ, которые легко могут быть найдены повсюду (производство масла из бурого угля); во вторых, синтетическая химия перерабатывает сырье и придает ему новое свойство, делающее его использование более целесообразным; в третьих, развитие идет в направлении создания из неорганических субстанций ценных органических материалов (искусственный шелк).

Прав ли Гильфердинг в своей оценке или же он преувеличивает роль химии,— одно ясно: химия, на ряду с электричеством, призваны сделать эпоху в истории материального производства, а это — не может остаться без влияния и на производственные отношения.

Только что сказанное о трех периодах в развитии производительных сил: 1) преобладание железно-дорожного строительства и отраслей, производящих средства потребления, 2) тяжелой горной и металлургической промышленности, 3) химической и электрической — не претендует, разумеется, на новизну. Сделаем, однако, шаг дальше. Разве из всего сказанного в этой главе не напрашивается сам собою вывод, что тесная связь, бесспорно существующая между развитием производительных сил, с одной стороны, и производственными отношениями, с другой, может сослужить нам большую службу при анализе экономической структуры реального капитализма, если нам удастся расшифровать и уточнить *характер связи*? Не сумеем ли мы в этом случае, имея перед глазами развернутый ряд предпосылок, вскрыть самое содержание данного хозяйственного типа, или во всяком случае заполучить в свои руки его „формулу“?

У Ленина мы находим чрезвычайно интересное место, которое затрагивает близко интересующий нас вопрос: „Пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить.

¹⁾ Р. Гильфердинг. Сборник статей и речей с критической вводной статьей А. Слепова. Изд. „Московский рабочий“. 1928 г., 121 стр.

Каждый, наблюдающий внимательно за жизнью деревни, знает, что мы корней капитализма не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве, и чтобы подорвать его, есть одно средство — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу современного крупного производства. Такой базой является только электричество... Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности — только тогда мы победим окончательно¹⁾.

Здесь с определенной четкостью и ясностью поставлен вопрос об отношении между материальным производством и производственными отношениями. Мы великолепно знаем, что отношение это очень далеко от простоты, и весь ход русской революции является грандиозной иллюстрацией сложности этих отношений.

Возвращаясь к нашей теме о „реальном капитализме“, мы должны снова подчеркнуть, что тщательное изучение *производственных условий*, в широком смысле, является единственным путем к познанию данного национально-хозяйственного комплекса. Только изучение конкретной картины этих условий даст нам понятие о реальной структуре хозяйства, понятие, полное жизни и красок; в результате, конкретная структура хозяйства выступит в нашем мышлении, пользуясь словами Маркса, „как процесс объединения, как результат, хотя оно является исходным пунктом в действительности и, следовательно, так же исходным пунктом созерцания и представления“²⁾.

Что следует понимать под словами „производственные условия в широком смысле“?

Вся совокупность „производственных условий“ в широком смысле, определяющих конкретную экономическую структуру реального капиталистического общества, может быть сведена к следующему:

А. Естественные условия. Природа человека и внешние природные условия (значение этих условий не является фиксированным раз навсегда, но изменяется на протяжении истории в зависимости от прогресса технических и социальных условий).

Б. Технические условия. Эти условия находятся в свою очередь в тесной связи как с естественными условиями, так и с социальными. Они являются функцией уровня технических знаний и систематических научных опытов, с одной стороны, наличия определенной потребности и технических данных, завещанных предшествующим развитием, — с другой.

В. Социальные условия. Государственно-правовые рамки национального хозяйства („соединение буржуазного общества в форме государства, рассматриваемое в отношении к самому себе“ — Маркс³⁾); „потребительные“ и „распределительные предпосылки: масштаб и характер потребления рабочего класса, капиталистических слоев, некапиталистических слоев; часть, идущая в накопление.

Не имея возможности, за недостатком места, подробно остановиться на каждом из намеченных пунктов в отдельности, мы ограничимся общим освещением сначала естественных, затем технических и социальных условий, прибегнув к „выборочному“, так сказать, методу освещения этих условий. (Окончание в след. №).

¹⁾ Для химической промышленности, как и для электрических установок, чрезвычайно характерен высокий процент служащих, достигающий нередко $\frac{1}{3}$ всех работающих на предприятии.

²⁾ В. И. Ленин, Собрание сочинений, том XVII, 427-428 стр.

³⁾ К. Маркс, Введение к критике п.-э., 24 стр.